

положение, которое оно занимало у магов древности, сможет снова сделать руны волшебными знаками или наполнить древние заговоры магической силой. Дело за малым — сместить восприятие, увидеть мир глазами древних магов... А это, к сожалению, непросто, ведь взгляд современного человека на мир магии древних — это взгляд *извне*.

Противостояние взглядов *извне* и *изнутри* извечно. Гуманитария, например, сложно написать книгу по истории естественных наук — его взгляд всегда будет взглядом *извне*. Вдвойне сложна попытка изучения *извне* столь многогранных явлений, как культура, религия, мифология. Представьте себе ситуацию: историк изучает жизнь некоего святого отшельника. Он может назвать все даты, перечислить все поступки и деяния, прочесть речи и труды этого отшельника и — вполне вероятно — даже попытаться объяснить мотивы его поведения. Но если этот историк стоит вне религии, сможет ли он действительно понять, зачем отшельник удаляется от мира и что он делает в своем уединении? В то же время простой верующий, возможно, не знающий биографии и не изучавший трудов отшельника, поймет его сердцем и правильно определит мотивы его поступков и его переживания.

Проблема возможности объективного познания становится еще более серьезной, когда речь заходит о культурах и религиях древних, во многом не доживших до наших дней. К изучению мира древних мы нередко подходим, используя свою систему взглядов и ценностей, во многом не совпадающую с тем, как мыслили и чувствовали наши далекие предки, — это одна сторона вопроса. Есть и другая: вряд ли, например, представители академической филологии и истории верят в реальность мифов, которые они изучают. А между тем, как верно отмечал М. И. Стеблин-Каменский, «то, о чем рассказывалось в мифах, принималось за реальность, то есть, попросту говоря, в мифы верили»¹.

Именно результатом того, что большинство специалистов по мифоведению стоит вне мифов и, значит, изучает их *извне*, и является тот факт, что многие выводы оказываются не столько даже неверными, сколько не имеющими никакой связи с самими мифами. Печальный тому пример — А. Н. Афанасьев, ухитрившийся во всех персонажах славянской мифологии видеть некоего абстрактного «бога-громовика», а во всем многообразии мифологических сюжетов — его бой с тучами, т. е. грозу². Некоторые его работы невозможно читать без улыбки, но улыбка эта, увы, сквозь слезы...

К слову, подобные взгляды разделяли и разделяют многие филологи — существует даже целая «метеорологическая» школа, представители ко-

¹ М. И. Стеблин-Каменский. *Миф*. Л., 1976.

² См., напр.: А. Н. Афанасьев. *Древо Жизни*. М., 1982.